

Стратегия перлокутивной митигации как способ оптимизации речевого воздействия

С. И. Криворучко

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, г. Харьков, Украина

Paper received 21.10.16; Accepted for publication 01.11.16.

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию лингвопрагматических характеристик перлокутивной митигации – одной из стратегий оптимизации речевого воздействия. Описывается механизм и цели стратегии перлокутивной митигации, коммуникативные ситуации, тактики и средства ее реализации в немецкоязычном диалогическом дискурсе. В качестве иллюстрации рассматривается митигативная тактика ‘обезоруживания’, реализующаяся в дискурсе посредством метакоммуникативных высказываний.

Ключевые слова: митигация, перлокутивная оптимизация, речевое воздействие, стратегия, тактика.

В современных прагмалингвистических студиях особое внимание уделяется изучению механизма регуляции речевого воздействия (далее – РВ), лингвальных и экстралингвальных составляющих его успеха. К таким можно отнести среди прочего соблюдение коммуникантами общепринятых правил общения, обеспечивающих межличностное взаимопонимание и представляющих собой так называемый коммуникативный кодекс – «сложную систему принципов, регулирующих речевое поведение обеих сторон в ходе коммуникативного акта» [6, с. 112]. Данный кодекс включает в себя, прежде всего, принцип кооперации, характеризующий закономерности совместного оперирования информацией в общении [2], и принцип вежливости, регулирующий межперсональное взаиморасположение коммуникантов [18]. Нарушение этих принципов может привести к сбоям в коммуникации и, как следствие, снизить воздействующий эффект речевых действий. Для его коррекции общающиеся прибегают к перлокутивным оптимизаторам – речевым средствам, способным оптимизировать РВ и повысить эффективность его реализации [7].

Термин «перлокутивный оптимизатор» был предложен Г. В. Эйгером для определения вербальных средств, направленных «на предупреждение, смягчение или устранение нежелательных для коммуникантов перлокутивных последствий» [3, с. 58]. В дальнейшем понимание перлокутивной оптимизации было расширено [7], а относительно указанных средств закрепился функционально созвучный им термин «митигатор», принятый в западной лингвистике для обозначения средств языка, служащих для предупреждения или смягчения межличностных конфликтов в общении [15]. Несмотря на активный научный интерес к явлению митигации, следует отметить, что значительное количество релевантных исследований проводилось на материале английского языка. Необходимость описания митигативных средств немецкого языка, а также их изучения с привлечением методов дискурсивного и речеактового анализа обуславливает актуальность настоящей работы.

Цель статьи – определить понятие митигации, рассмотреть ее перлокутивный и стратегический характер, описать коммуникативные ситуации, некоторые тактики и средства реализации стратегии перлокутивной митигации в немецкоязычном диалогическом дискурсе. **Материалом** послужили фрагменты диалогического дискурса, отобранные методом сплошной

выборки из произведений немецкоязычной художественной литературы, персонажная речь которой приближена к разговорной.

Понятие митигации было введено в прагматику Б. Фрейзером [15], соотносившим его со средствами языка, при помощи которых коммуниканты стремятся защитить себя от различных интеракционных рисков. Такие могут возникнуть в ситуациях критики адресата, отказа в ответ на его просьбу или просьбы самого говорящего и привести к коммуникативному сбою или конфликту. По мнению ученого, использование митигаторов способно модифицировать ‘опасные’ речевые действия и снизить их нежелательные эффекты. В этой связи автор выделяет два типа митигации: эгоистическую и альтруистическую – позволяющие говорящему ‘смягчить’ негативные последствия совершаемого им речевого акта (далее – РА) соответственно для себя самого или адресата.

Дж. Холмс, развивая идеи Б. Фрейзера, исследует две стратегии речеактовой модификации: усиление и ослабление иллокутивной силы [16]. Митигация является частным случаем второй стратегии и служит для минимизации ответственности говорящего за достоверность содержания высказывания, а также выражает его эмоциональное отношение к адресату, содействуя солидаризации их взаимоотношений. Все средства митигации автор подразделяет на четыре группы: просодические (напр.: нисходяще-восходящий тон голоса); синтаксические (напр.: «tag questions»); лексические: ориентированные на говорящего (напр.: *I suppose*), адресата (напр.: *If you wouldn't mind*), пропозицию или прочее (напр.: *perhaps*); и дискурсивные (напр.: маркеры отклонения от темы типа *by the way*).

К. Каффи объединяет выделенные Дж. Холмс способы модификации РА общим термином «модуляция» и определяет митигацию как прагматическую категорию, включающую в себя широкий набор стратегий, позволяющих коммуникантам повысить эффективность своей речи за счет ‘смягчения’ одного или более ее аспектов [13 с. 881]. Действие митигации, по ее мнению, направлено на три компонента РА: пропозицию, иллокуцию и источник высказывания, в соответствии с чем митигаторы делятся на *bushes* (напр.: маркеры неопределенности), *hedges* (напр.: косвенное выражение интенции), *shields* (напр.: деперсонализация) и выполняют две функции: инструментальную – обеспечивая успешность коммуника-

тивных действий, и эмотивную – регулируя эмоциональную дистанцию и создавая психологический комфорт в общении.

В немецкой литературе явление митигации исследуется на основе дискуссий на семинарских занятиях в высшей школе [17]. В указанном типе интеракции отмечается осторожная, ‘мягкая’ форма высказываний, выбор которой обусловлен желанием интерактантов снизить риск противостояния, конфликта и т.п. Используя средства митигации, общающиеся стремятся ослабить обязательство (*Obligationen*), накладываемые на них и их собеседников при совершении различных типов РА, с целью минимизации нарушения ‘личного пространства’ [17, с. 22ff].

Несмотря на различия в приведенных выше трактовках, все авторы едины в понимании митигации как коммуникативного поведения, для которого характерно ‘смягчение’ речевых действий относительно адресата с целью снижения риска разногласий, предотвращения или устранения конфликтов и повышения эффективности речевого контакта. Под ‘смягчением’ в прагматическом аспекте традиционно принято понимать снижение интенсивности иллокутивной силы высказываний, обусловленное как личностными параметрами коммуникации, так и социальными – теми нормами и правилами, которые обеспечивают успешное протекание речевого взаимодействия [9, с. 8]. В этой связи митигация рассматривается как проявление вежливости в общении, а именно как способ ‘смягчения’ ликоповреждающих актов [10, с. 17], которые несут в себе опасность как для ‘лица’ адресата, так и самого говорящего.

Понятие ‘лица’ получило наибольший отклик среди прагматистов в трактовке П. Браун и С. Левинсона – как представления человека о самом себе, своеобразного социального имиджа, в сохранении которого заинтересован каждый член общества [12, с. 61]. Авторы различают две грани ‘лица’: негативное – желание человека не испытывать помехи в своих действиях, и позитивное – желание человека ощущать признание и одобрение со стороны собеседника. Невыполнение этих желаний наносит ущерб ‘лицу’ общающихся и может привести к межличностным ‘трениям’. В этой связи учеными выделяются общие поведенческие стратегии, направленные на снижение угрозы ‘самоуважения’ коммуникантов: негативная вежливость, связанная с предоставлением свободы человеку, и позитивная вежливость, предполагающая демонстрацию единства и солидарности.

Митигация удовлетворяет взаимные нужды как позитивного, так и негативного ‘лица’ участников коммуникации, ослабляя иллокутивную силу соответствующих ликоповреждающих актов. В качестве таких адресатом могут восприниматься, помимо ярко выраженных (критика, отказ и т.п.), практически любые речевые действия по причине их возможной неверной интерпретации, а также индивидуально-психологических, социальных и других факторов, влияющих на его реакцию (ср.: «окончательное решение относительно того, как воспринимается высказывание – вежливым или невежливым, зависит от интерпретации адресата, который судит о его межличностном аспекте исходя из своих собственных норм

(социальных представлений, уместности, ожиданий, индивидуальных характеристик, прочее)» [19, с. 90]) (здесь и далее – перевод мой – С.К.).

Следовательно, с точки зрения субъекта речи реализация РА потенциально может вызывать два перлокутивных эффекта: интендируемый, соотносящийся с целью воздействия говорящего, и неинтендируемый, не входящий в его перлокутивную цель, – перлокутивное последствие. Перлокутивные последствия могут интерпретироваться говорящим как желательные – реакция адресата отвечает его потребностям, и как нежелательные – адресат реагирует не в его интересах. Нежелательные перлокутивные последствия проявляются в дискурсе, как правило, в виде отрицательных эмоций адресата на вербальное ликоповреждение и сводятся к огорчению, раздражению, обиде и т.п. [7, с. 12]. Поскольку такие эффекты способны нарушить психологический комфорт в общении и привести к коммуникативному конфликту, основная задача митигации состоит в их предупреждении, смягчении или устранении.

Прагматическое значение митигации, а именно нейтрализация нежелательных перлокутивных последствий РА, указывает на ее перлокутивную направленность и позволяет рассматривать ее как один из способов регуляции РВ с целью повышения его эффективности. Так, использование перлокутивных митигаторов способствует достижению коммуникантами целей своего интендируемого воздействия за счет сохранения баланса межличностных отношений с собеседником и создания благоприятного фона в общении. Осознанный выбор средств митигации для коррекции воздействующего эффекта РА свидетельствует также о ее стратегическом характере. На этом основании перлокутивная митигация относится к одной из стратегий оптимизации РВ, обеспечивающих его максимальную эффективность [7, с. 9]. Ее реализация в немецкоязычном диалогическом дискурсе актуальна в коммуникативных ситуациях двух типов:

- при нежелательном перлокутивном последствии в результате осуществления ликоповреждающего действия:

Blanche: *...Ja, klag mich jetzt an! Steh da und durchbore mich mit deinen Blicken und denke, es war meine Schuld, daß uns Belle Reve verlorengegangen ist. Meine Schuld! Und wo warst du? Im Bett mit deinem – Pollaken!*

Stella aufspringend: *Schweig! Es ist genug! Sie geht zur Badezimmertür. <...>*

Blanche hält sie auf: *Oh Stella, Stella, du weinst!*

Stella: *Überrascht dich das?*

Blanche: *Verzeih mir! – Ich wollte nicht –! (Williams, c. 221)*

- при вероятности возникновения нежелательного перлокутивного последствия в результате осуществления ликоповреждающего действия:

Valentin: *Entschuldige ... Und werde nicht ärgerlich.*

Molina: *Was ist?*

Valentin: *Ich kann mich nicht konzentrieren auf das, was du erzählst. (Puig, c. 139)*

Выделенные случаи реализации стратегии перлокутивной митигации проявляются в дискурсе в виде нежелательной реакции адресата на ликоповреж-

дающий акт или использования интерактантами соответствующего митигатора. Так, К. Каффи отмечает парадоксальность природы митигации: именно в тот момент, когда говорящий совершает попытку 'смягчить' свое высказывание, он автоматически маркирует его как (потенциально) ликоугрожающее [13, с. 885], даже если адресат не воспринимает его таким. Данное поведение объясняется наличием у общающихся коммуникативного опыта, на основе которого они с определенной долей вероятности могут прогнозировать возможные эффекты своих РА и при необходимости их предупреждать. Таким образом, одно лишь использование перлокутивных митигаторов является достаточным основанием для определения ситуации общения как способной вызывать нежелательные перлокутивные последствия.

В прагмалингвистике стратегия понимается как процесс «соотнесения речевых действий с целью коммуникации и <...> речевыми средствами, с помощью которых она реализуется» [8, с. 53]. Как видно из краткого обзора выше, арсенал средств стратегии перлокутивной митигации достаточно разнообразен и охватывает все уровни языка: фонетический, лексический и грамматический. С учетом тезиса Э. Белленжье о метакоммуникативной природе митигации [11], целесообразно рассмотреть перлокутивные митигаторы и на уровне высказывания, а именно как метакоммуникативные высказывания, посредством которых реализуется РА метакоммуникативный контактив. Используя их, «адресант поясняет, описывает другие свои РА, которые он совершил или намеревается совершить <...>, обращая внимание адресата на свои слова и делая акцент на определенных единицах содержания» [1, с. 59].

Метакоммуникативные высказывания реализуют ряд митигативных тактик – одного или нескольких «действий, которые способствуют реализации стратегии» [4, с. 110]. Одной из них является тактика 'обезоруживания'. Ее реализация осуществляется посредством 'обезоруживающих' высказываний (*disarmers*), способствующих установлению более благосклонного отношения адресата к своему собеседнику [21, с. 217]. Такие митигаторы исследуются в лингвистике как средства 'смягчения' директивных интенций и служат для 'обезоруживания' адресата от любой возможности отказать говорящему в выполнении желаемого им действия [20, с. 92]. Коммуниканты, предвидя вероятные возражения собеседника, предварительно эксплицируют их, лишая тем самым партнера возможности использовать их в качестве обоснования своего отказа:

„Olivia, *ich weiß, du bist schrecklich beschäftigt, aber könntest du nicht einrichten, irgendwo zu lunchen?*“ (Pilcher, с. 697).

Представляется возможным расширить арсенал средств тактики 'обезоруживания' за счет метакоммуникативных высказываний, действие которых направлено не только на предотвращение перлокутивной неудачи (отказа, несогласия и т.п.), но и, в первую очередь, на предупреждение нежелательных перлокутивных последствий – негативной эмоциональной реакции адресата на разного рода ликоугрозы. Так, предвидя нежелательную реакцию собеседника,

коммуниканты стремятся заблаговременно 'обезоружить' его – лишить возможности / оснований эмоционально отреагировать и выразить им претензии за совершенное ликоповреждение. Используя такие митигаторы, они также преследуют цель 'смягчить удар' по 'самоуважению' адресата за счет разного рода 'имиджевых' компенсаций, проявляя заботу о 'лице' партнера для стабилизации отношений с ним. Поскольку 'обезоруживающие' высказывания заранее предупреждают адресата о потенциальной ликоугрозе, их можно квалифицировать также как предупредительные.

В дискурсе рассматриваемые митигаторы реализуются в рамках модели *OB, aber PA*, где *OB* является 'обезоруживающим' высказыванием с различным семантическим наполнением, *PA* – речевым актом, содержащим (потенциальную) угрозу для 'лица' адресата:

„*Ich weiß, mein Kollege Stolzen hat Sie das alles schon einmal gefragt, aber wir müssen ein paar Fragen noch mal durchgehen, es tut mir leid. Also, fangen wir an, Herr Müller*“ <...> (Koch, с. 174)

По семантическому критерию среди них можно выделить следующие типы:

- выражение извинения / сожаления говорящим за свои речевые действия, потенциально угрожающие 'лицу' собеседника (подробнее об 'обезоруживающих' извинениях см. [14]): *Entschuldigen Sie meine Direktheit, aber ...; Verzeihen Sie mir diese Worte, aber ...* и др. Извинения обладают комплексным ликоповреждением – ликоповышением адресата и ликоповреждением говорящего [5, с. 83], что позволяет частично компенсировать 'имиджевые' потери адресата:

„*Es tut mir Leid, Sie heute nochmals behelligen zu müssen, aber <...> Macht es Ihnen etwas aus, mich zu dem Grab zu bringen?*“ (Bloom, с. 25)

- экспликация говорящим прогнозируемой им негативной эмоциональной реакции собеседника на свое речевое действие. В этом случае говорящий может заранее отказываться от намерения вызвать такой перлокутивный эффект у адресата: *Ich möchte dich nicht beleidigen, aber...; Ich will Sie nicht enttäuschen, aber...;* либо призывать партнера не реагировать подобным образом: *Nehmen Sie es mir nicht übel, aber...; Sei mir nicht böse, aber...; Seien Sie nicht ungehalten über meine Worte, aber...;*

„*Bitte*“, *sagte sie, „seien Sie nicht böse, aber wenn ich darf, möchte ich die Schokolade bezahlen.“*

„*Sie dürfen*“, *sagte ich, steckte mein Geld zurück und fühlte mich elend angesichts dieses jungen blühenden Mädchens.* (Böll, с. 62)

- объяснение говорящим иллокутивной цели своего речевого действия, если, по его мнению, оно может быть ошибочно истолковано адресатом как ликоповреждающее и привести к нежелательным перлокутивным последствиям: *Das ist kein Vorwurf, aber ...; Es ist nicht als Kritik gemeint, aber ...;*

Stella, du wirst mir Vorwürfe machen, ich weiß das, du kannst nicht anders – aber bevor du es tust, mußt du eines in Betracht ziehen: du bist weggegangen! <...> Du hattest nur für dich zu sorgen! Ich bin in Belle Reve geblieben und habe versucht, uns das Haus zu erhalten! –

Das soll kein Vorwurf für dich sein, aber die ganze Last war auf meinen Schultern! (Williams, c. 229)

• предварительная оценка говорящим совершаемого им речевого действия. Говорящий информирует партнера о том, что реализуемый им РА способен произвести неприятное впечатление или вызвать отрицательные оценки: *Es klingt schrecklich / blöde, aber ...; Ich finde es dumm, aber ...*

„Und was hast du dann gemacht?“

„Oh... ich weiß. Es klingt schrecklich, aber wir mußten ihn möglichst schnell begraben.“ (Pilcher, c. 237)

• выражение говорящим отношения к своему речевому действию: подчеркивание, что реализация РА неприятна ему самому и он совершает его против своей воли: *Ich sage das nicht gern, aber...; Es ist mir unangenehm zu sagen, aber...*

Dick: <...> *vielleicht habe ich zu jung geheiratet. Sie war so schön... die Erste in der Klasse... ich dachte, das ist das ideale Aushängeschild für eine junge Führungskraft.*

Allan: *Ich sag das nicht gerne, mein Lieber, aber das klingt ein bißchen gefühllos.* (Allen, c. 32)

Следует отметить, что в митигативной модели *OB*, *aber PA* противительный союз *aber* может опускаться, тем не менее, его значение легко выводится из контекста:

„Was ist mit Truus? Wo...?“

„Es tut mir unendlich leid, Ihnen mitteilen zu müssen: Noch haben wir keine Spur.“ (Simmel, c. 222)

Как видно из примеров, перлокутивны митигаторы, реализующие тактику ‘обезоруживания’, представлены метакоммуникативными высказываниями повествовательной и побудительной структуры и находятся в препозиции к потенциально ликоповреждающему РА, предупреждая возникновение нежелательных перлокутивных эффектов или ‘смягчая’ их.

Реализуясь в дискурсе в рамках модели *OB*, *aber PA*, они сопутствуют РА всех иллокутивных типов за исключением декларативов ввиду институционального характера последних.

Итак, подведем **итоги** вышеизложенного. В процессе коммуникации общающиеся воздействуют друг на друга посредством РА в целях изменения (не)речевого поведения собеседника. Для повышения эффективности своих действий они прибегают к коммуникативным стратегиям оптимизации РВ, в том числе к стратегии перлокутивной митигации. Ее прагматическая задача состоит в предупреждении, смягчении или устранении нежелательных перлокутивных последствий РА, что способствует сохранению коммуникативного баланса в общении и достижению говорящим целей своего воздействия. Нежелательные перлокутивные эффекты проявляются в дискурсе в виде негативной эмоциональной реакции адресата на речеактовую ликоугрозу. Их регуляция осуществляется за счет ослабления иллокутивной силы ликоповреждающего действия посредством перлокутивных митигаторов, представленных фонетическими и лексико-грамматическими средствами языка, а также метакоммуникативными высказываниями. Перлокутивные митигаторы реализуют ряд митигативных тактик, способствующих реализации стратегии перлокутивной митигации. К ним относится среди прочих тактика ‘обезоруживания’, включающая в себя различные способы предварительной подготовки адресата к последующему ликоповреждению с целью снижения ответственности говорящего за его совершение и минимизации рисков возникновения коммуникативного конфликта. К **перспективам** исследования относим выявление новых речевых средств стратегии перлокутивной митигации в немецкоязычном диалогическом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безугла Л. Р. Перлокутивні індикатори імпліцитного смислу у висловленнях німецької мови / Л. Р. Безугла // Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна. – 2009. – № 848. – С. 58–62.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 217–237.
3. Ейгер Г. В. Прагматическая характеристика перлокутивных оптимизаторов / Г. В. Ейгер // Вісник Харківського університету. – Харків : Константа, 1996. – № 386. – С. 58–61.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / Иссерс О. С. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.
5. Карабан В. И. Сложные речевые единицы: прагматика английских асиндетических полипредикативных образований / Карабан В.И. - К. : Вища школа, 1989. - 131 с.
6. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: Успешность речевого взаимодействия / Ключев Е. В. – М. : Рипол классик, 2002. – 317 с.
7. Криворучко С. І. Лінгвопрагматичні властивості перлокутивних оптимізаторів у сучасному німецькомовному дискурсі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 / С. І. Криворучко. – Харків, 2011. – 20 с.
8. Ларина Т. В. Вежливость как национально-специфическая коммуникативная категория / Т. В. Ларина // Коммуникативное поведение. Вежливость как коммуникативная категория. – Воронеж : Истоки, 2003. – Вып. 17. – С. 48–57.
9. Тахтарова С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) : автореф. дис. на соискание уч. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / С. С. Тахтарова. – Волгоград, 2010. – 40 с.
10. Ярхо А. В. Коммуникативная стратегия неуверенности в современном англоязычном диалогическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ярхо А. В. – Харьков, 2004. – 249 с.
11. Bellengier E. Mitigation in discourse : a dialog gameboard study [Electronic resource] / Bellengier E., Priego-Valverde B. – 2004. – Режим доступа : ipra.uantwerpen.be/download.aspx?c=*CONFERENCE2006&n=1294&ct=1167&e=3891
12. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : CUP, 1987. – 345 p.
13. Caffi C. On mitigation / C. Caffi // Journal of pragmatics. – 1999. – Vol. 31. – P. 881–909.
14. Edmondson W. On saying you're sorry / W. Edmondson // Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech. – [F. Coulmas (ed.)]. - The Hague : Mouton, 1981. - P. 273-288.
15. Fraser B. Conversational mitigation / B. Fraser // Journal of Pragmatics. – 1980. – Vol. 4, H. 4. – P. 341–350.
16. Holmes J. Modifying illocutionary force / J. Holmes // Journal of Pragmatics. – 1984. – V. 8. – P. 345–365.

17. Langner M. Zur kommunikativen Funktion von Abschwächungen : Pragma- und soziolinguistische Untersuchungen / Langner M. – Münster : Nodus-Publ., 1994. – 251 S.
18. Leech G. Principles of Pragmatics / Leech G. – London, N.Y. : Routledge, 1983. – 250 p.
19. Locher M. A. Power and Politeness in Action : Disagreements in Oral Communication. / Locher M. A. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2004.
20. Schauer G. A. Interlanguage pragmatic development : The study abroad context. / Schauer G. A. – London : Continuum / Bloomsbury, 2009. – 255 p.
21. Trosborg A. Interlanguage Pragmatics : requests, Complaints and Apologies / Trosborg A. – Berlin; N.Y. : Mouton de Gruyter, 1995. – 581 p.

REFERENCES

1. Bezuhla L. R. Perlocutionary markers of implicit meaning in German utterances / L. R. Bezuhla // Bulletin of V.N. Karazin Kharkiv National University. – 2009. – № 848. – P. 58–62.
2. Grajs G. P. Logics and verbal communication / G. P. Grajs // New in foreign linguistics. – M. : Progress, 1985. – Is. 16. – P. 217–237.
3. Ejger G. V. Pragmatic features of perlocutionary optimizers / G. V. Ejger // Kharkiv University Bulletin. – Harkiv : Konstanta, 1996. – № 386. – P. 58–61.
4. Issers O. S. Communicative strategies and tactics of Russian speech / Issers O. S. – M. : Editorial URSS, 2002. – 284 p.
5. Karaban V. I. Complex speech units: pragmatics of English asyndetic polypredicative formations / Karaban V. I. – K. : Vishha shkola, 1989. – 131 p.
6. Kljuev E. V. Speech communication. Efficiency of speech interaction / Kljuev E. V. – M. : Ripol klassik, 2002. – 317 p.
7. Kryvoruchko S. I. Linguistic and pragmatic properties of perlocutionary optimizers in modern German discourse : PhD thesis : speciality 10.02.04 / S. I. Kryvoruchko. – Kharkiv, 2011. – 20 p.
8. Larina T. V. Politeness as a nationally specific communicative category / T. V. Larina // Communicative behavior. Politeness as a communicative category. – Voronezh : Istoki, 2003. – Is. 17. – P. 48–57.
9. Tahtarova S. S. Category of communicative softening (cognitive, discourse and ethnocultural aspects) : Thesis for a Doctoral Degree in Philology : speciality 10.02.19 / S. S. Tahtarova. – Volgograd, 2010. – 40 p.
10. Yarkho A. V. Communicative strategy of uncertainty in contemporary English dialogical discourse : PhD dissertation : speciality 10.02.04 / Yarkho A. V. – Har'kov, 2004. – 249 p.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА (SOURCES OF ILLUSTRATIONS)

1. Allen W. Spiel's nochmal, Sam / Woody Allen // Spectaculum 63. Moderne Theaterstücke. – [Dt. von Jürgen Fischer]. – Fr./M. : Suhrkamp, 1997. – S. 9–50.
2. Bloom L. Rosen in Sankt Johannis / Bloom L. – Fr./M. [u.a.] : Fouque Literaturverlag, 2002. – 287 S.
3. Böll H. Und sagte kein einziges Wort / Böll H. – Москва : Айрис-пресс, 2002. – 315 S.
4. Koch A. Der Retter / Koch A. – Hillesheim : KBV Verlags- und Mediengesellschaft mbH, 2002. – 192 S.
5. Pilcher R. Die Muschelsucher / Pilcher R. – Hamburg : Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1997. – 704 S.
6. Puig M. Der Kuß der Spinnenfrau / M. Puig // Spectaculum 47. Sechs moderne Theaterstücke. – Fr./M. : Suhrkamp Verlag, 1987. – S. 131–183.
7. Simmel J. Wir heißen euch hoffen / Simmel J. – Ascona ; [München] : Droemer Knauer, 1980. – 638 S.
8. Williams T. Endstation Sehnsucht / T. Williams // Spectaculum 45. Sechs moderne Theaterstücke. – Fr./M. : Suhrkamp Verlag, 1987. – S. 209–308.

Strategy of perlocutionary mitigation as the means of optimizing speech influence Kryvoruchko S.

Abstract. The present article studies linguistic and pragmatic features of perlocutionary mitigation – one of the strategies of optimizing speech influence. The mechanism and aims of perlocutionary mitigation strategy, communicative situations, tactics as well as means of its realization in German dialogue discourse are described. The ‘disarming’ tactic of mitigation realized in discourse by means of metacommunicative utterances serves as an illustration.

Keywords: mitigation, perlocutionary optimization, speech influence, strategy, tactic.